

УДК 316.022:327
ББК 60.54:66.4
DOI: 10.52311/2079-3359_2022_1_74

Китайская диаспора в Австралии и Новой Зеландии в контексте взаимоотношений Пекина с Канберрой и Веллингтоном

Сведенцов Владимир Леонидович,
старший эксперт Центра координации исследований РИСИ.
E-mail: vladsvedentsov@yahoo.com

Статья посвящена истории иммиграции китайцев в Австралию и Новую Зеландию, а также современному положению китайской диаспоры в этих странах. Автор анализирует факторы, стимулирующие и сдерживающие миграционные процессы. Особое внимание уделено проблеме использования Пекином представителей китайских общин в качестве «мягкой силы» и попыткам влияния на политические элиты Австралии и Новой Зеландии через этнических китайцев. Показаны различия в подходах Канберры и Веллингтона к купированию «китайской угрозы».

Цитирование: Сведенцов В.Л. Китайская диаспора в Австралии и Новой Зеландии в контексте взаимоотношений Пекина с Канберрой и Веллингтоном // Проблемы национальной стратегии. 2022. № 1 (70). С. 74–99.

Ключевые слова

диаспора

Китай

Австралия

Новая Зеландия

Chinese diasporas in Australia and New Zealand in the Context of Beijing's Relations with Canberra and Wellington

Svedentsov Vladimir Leonidovich,

senior expert at the Center for Research Coordination, the RISS.

E-mail: vladsvedentsov@yahoo.com

The article deals with history of the Chinese migration to Australia and New Zealand, also observing the current state of Chinese diasporas in both countries. The author analyses various factors contributing to stimulation or containment of the aforementioned immigration. The focus is on Beijing's efforts to use the ethnic Chinese communities for projecting its «soft power» in attempt to influence on Australian and Zelanian political elites. The diverging approaches of Canberra and Wellington towards addressing the perceived «Chinese threat» are also noted in the article.

Citation: *Svedentsov V.L.* Chinese diasporas in Australia and New Zealand in the Context of Beijing's Relations with Canberra and Wellington // *National Strategy Issues*. 2022. No. 1 (70). P. 74–99.

Keywords

diaspora

China

Australia

New Zealand

Миграционные процессы являются одним из наиболее значимых факторов формирования наций Австралии и Новой Зеландии, что привлекает внимание исследователей к проблеме миграционной политики и интеграции зарубежных переселенцев в общество данных стран.

Массовое проникновение китайских мигрантов в Австралию и Новую Зеландию началось в середине XIX в. Первоначально власти двух государств фактически устранились от регулирования данного процесса, однако затем под влиянием ряда факторов Канберра и Веллингтон стали вводить законы, ограничивающие въезд китайцев. Начало новой волны китайской иммиграции из стран Юго-Восточной Азии в Австралию и Новую Зеландию в 70-е гг. XX в. было обусловлено проведением политики мультикультурализма, отменой принципов «белой иммиграции»¹, а также установлением дипломатических отношений с КНР. После 1978 г., в связи с объявленной в Китае «политикой открытости», в Австралию и Новую Зеландию стали приезжать многочисленные китайские студенты, которые после окончания учёбы оставались там жить и работать.

Китайскую миграцию стимулировали экономические и политические факторы. ВВП на душу населения в Австралии и Новой Зеландии был выше, чем в КНР и большинстве азиатских государств, а особенности курса австралийского и новозеландского правительств содействовали семейной иммиграции. Программа бизнес-миграции, появившаяся в 80-е гг. XX в., благоприятствовала приезду предпринимателей и росту прямых китайских инвестиций в Австралию и Новую Зеландию.

Резкий скачок численности китайских мигрантов пришёлся на 2000-е и 2010-е гг. и был обусловлен ресурсным бумом², который способствовал наплыву китайцев в крупные города Австралии и Новой Зеландии. Вследствие этого цены на недвижимость в данных странах ощутимо выросли, что сделало её покупку неподъёмной для местного населения. В результате у австралийцев и новозеландцев стало нарастать негативное восприятие китайцев. Усилились также опасения, касающиеся использования Пекином китайской диаспоры как фактора «мягкой силы».

¹ Неофициальное название комплекса политических решений для ограничения притока мигрантов из Азии и с тихоокеанских островов.

² Ресурсный (сырьевой) бум – это время высоких цен, выпавшее на 2000-е и 2010-е гг. (не принимая в расчёт мировой финансовый кризис 2008 г.), которое обеспечило самый длительный экономический подъём в истории Австралии (1993–2020 гг.).

Австралийская золотая лихорадка середины XIX в. привлекла тысячи китайцев на Пятый континент. Так, только за один 1855 г. в Мельбурн прибыли 11 493 китайца, при этом всё население города (столицы штата Виктория) составляло около 25 тыс. чел. Тогда же из-за широко распространённых расистских настроений парламентом данного штата был принят первый из многих законов о миграционных ограничениях, направленных против китайцев. Однако из-за плохо регулируемых границ между колониями Австралии их численность на золотых приисках Виктории продолжала расти. Неконтролируемая китайская иммиграция вызвала жестокие антикитайские беспорядки (бунт в Бакленде и погромы в Ламбинг-Флэт)⁴. Однако в тот же период происходили оформление обособленных китайских кварталов (Чайна-таунов) в основных городах Австралии, а также создание обществ китайских мигрантов, многие из которых до сих пор существуют, оказывая активную поддержку современным переселенцам.

Несмотря на окончание золотой лихорадки, численность китайцев увеличивалась в Мельбурне и Сиднее вплоть до конца XIX в. В частности, китайский бизнесмен Мэй Квон Тарт (Mei Quong Tart, 1850–1903) обосновался в Сиднее, сделав состояние на торговле чаем. В настоящее время в Австралии ему установлен памятник, а также в его честь проводились мемориальные мероприятия и скачки. Однако характерная черта китайской миграции в Австралию в XIX в. – *гендерная неравномерность*. Так, в конце 1860-х гг. численность китайской диаспоры в Австралии составила около 40 тыс. чел. (3,3 % от всего населения Пятого континента), из них только 12 человек были женщины. Гендерный дисбаланс привёл к тому, что многие китайские мужчины создавали семьи с европейскими женщинами, что повлекло за собой рост антикитайских настроений у местного населения.

Сокращению китайской миграции в Австралии в начале XX в. способствовало оформление в 1901 г. бывших британских колоний в независимый от Великобритании Австралийский Союз. Первые законы, принятые федеральным парламентом, привели к формированию политики Белой Австралии (White Australia policy), которая представляла собой комплекс политических решений по ограничению притока «цветных» мигрантов вплоть до 1973 г. Эта политика

² show%20that%20about%2018%20Chinese%20settlers%20had,Wales%20in%2018%20and%20purchased%20land%20at%20Parramatta (дата обращения: 23.02.2021).

⁴ The Australian People: An Encyclopedia of the Nation, its People and their Origins / Ed. by J. Jupp. Cambridge; N.Y., Oakleigh: Cambridge University Press, 2001. P. 202–203.

сделала почти невозможным въезд китайцев в страну. После 1901 г. их численность в Австралии постепенно сокращалась. Несмотря на это, китайцы сыграли свою роль в истории данного государства. Например, в Первой мировой войне сражались более 200 австралийцев китайского происхождения, а в Галлиполийском сражении отличился снайпер Билли Синг. Примерно столько же китайцев воевало в австралийской армии во время Второй мировой войны⁵.

С завершением политики Белой Австралии, в 1970-х гг., появились этнические китайские беженцы из Вьетнама и Камбоджи. За этим в 1980-х и 1990-х гг. последовали экономические мигранты из Гонконга и Тайваня, чьи семьи часто селились в столицах. Для китайских бизнесменов австралийскими властями была открыта Китайская торговая палата, а в крупных городах Зелёного континента вновь стали издаваться газеты на китайском языке.

После протестов на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. австралийский премьер-министр Боб Хоук разрешил студентам из КНР оставаться в Австралии на постоянной основе. С 2000-х гг. в связи с быстрым развитием экономики Китая произошёл резкий рост числа иммигрантов из этой страны. В 2015–2016 гг. Китай (без Гонконга и Макао) был вторым по величине источником переселенцев в Австралию после Индии. Материковый Китай в настоящее время является третьим после Великобритании и Новой Зеландии по распространённости зарубежным местом рождения жителей Австралии.

Китайцы в Австралии образуют крупнейшую общину в западных странах за пределами самого Китая (за исключением китайской общины Канады). Они проживают практически в любом городе страны и даже в сельских районах. Основные центры сосредоточения китайцев – Сидней, Мельбурн, Брисбен и Перт⁶. В конце XX – начале XXI в. китайцы приезжали в Австралию в основном из материкового Китая, Гонконга, Сингапура, Макао и с о. Тайвань. Австралийская перепись 2016 г.⁷ выявила 1,2 млн чел. китайского происхождения

⁵ Ford M. Anzac Day 2015: «Not white enough to fight», Chinese Anzacs initially barred from enlisting for WWI // ABC. 2015. April. 25. URL: <https://www.abc.net.au/news/2015-04-23/chinese-anzacs-not-white-enough-to-fight/6313928?nw=0&r=Gallery> (дата обращения: 23.02.2021).

⁶ Согласно переписи 2016 г., в Сиднее проживали 487 976 китайцев (10,8 % населения города), в Мельбурне – 356 324 (8,5 %), в Брисбене – 99 593 (4,7), в Перте – 99 229 (5,5), в Аделаиде – 50 216 (4,1), в Канберре – 22 445 (6 %). В Сиднее насчитывалось 44 % китайцев, родившихся в материковом Китае, а в Мельбурне – 31 %. В Брисбене сконцентрированы в основном выходцы с о. Тайвань.

⁷ 2016 Census QuickStats // Australian Bureau of Statistics. URL: https://quickstats.censusdata.abs.gov.au/census_services/getproduct/census/2016/quickstat/036?open=document (дата обращения: 10.07.2021).

(5,6 % от всего населения страны), из которых 42 % родились на территории КНР. Так, 509 555 австралийцев заявили, что они появились на свет в материковом Китае, 86 886 – в Гонконге, в то время как 46 882 жителя Австралии родом из Тайваня. Существует также большое число лиц китайского происхождения среди тех, кто родился в странах Юго-Восточной Азии, таких как Малайзия, Индонезия, Сингапур, Филиппины и Вьетнам. При этом количество мигрантов из Китая в Австралии выросло на 40 % за последние пять лет. Каждый год, по некоторым оценкам, численность общины увеличивается на 200 тыс. чел. (это 70 % от всех мигрантов, прибывающих на постоянное место жительства).

По данным переписи 2016 г., большинство (55,4 %) австралийских китайцев являются либо атеистами, либо не имеют «религиозных убеждений или других духовных практик». В 2006 г. этот показатель составил 37,8 %. Такой сдвиг в религиозной демографии был вызван существенным притоком мигрантов из материкового Китая, которые, как правило, не имеют религиозной принадлежности или заменяют веру культом своих предков, который в последнее время находится на подъёме в КНР. Большинство верующих китайских австралийцев исповедуют христианство (23,4 %) или буддизм (15,7 %)⁸.

При этом в 2016 г. 42,2 % взрослых австралийцев китайского происхождения имели высшее образование, а 4,8 % – степень кандидата наук (PhD). Такой уровень более чем в 3 раза превышал средний по Австралии показатель высшего образования, равный 14 %. Как правило, австралийские китайцы уделяют много внимания образованию своих детей, начиная со школьной скамьи. Традиционные семейные дискуссии, на которых обсуждаются перспективы дальнейшего обучения, результаты и успехи подрастающего поколения, мотивируют молодых людей получать высшее образование и достигать успехов в учёбе. Многие китайские семьи, несмотря на невысокий уровень доходов, жертвуют своим социальным благополучием и направляют значительные средства на оплату образования детей. Таким образом, китайцы воспринимают его как единственный доступный канал социальной мобильности. Кроме того, свойственные китайцам трудолюбие и целеустремлённость позволяют им достигать успехов в высшем образовании в Австралии.

По данным Австралийского бюро статистики, в 2019 г. суммарный коэффициент рождаемости⁹ для австралийцев китайского

⁸ 2016 Census QuickStats.

⁹ Данный коэффициент показывает, сколько детей в среднем родила бы одна женщина репродуктивного возраста. Для сохранения численности населения на одном уровне без учёта миграционного фактора данный показатель должен быть равен 2,1.

происхождения составил 1,19, снизившись на 25 % за последние семь лет. Этот показатель ниже среднего по стране значения, равного 1,66¹⁰.

Благодаря высокому образовательному уровню многие китайские австралийцы занимают должности белых воротничков, соответствующие их квалификации и опыту работы. Так, они заняты на управленческих позициях в магазинах, автосалонах, кофейнях, ресторанах и т.д. Но при этом австралийцы китайского происхождения недостаточно представлены в таких областях, как журналистика и юриспруденция, которые требуют значительных языковых навыков и широкого социального контакта.

Взаимодействие властей КНР с китайской диаспорой в Австралии

Влияние властей КНР на китайскую общину в Австралии через WeChat

Приложение WeChat¹¹ широко используется китайской диаспорой в Австралии. В самом Китае аналогичные социальные медиа-платформы подвергаются цензуре, но пока неясно, последуют ли подобные меры контроля со стороны китайских властей за контентом, размещаемым китайскими пользователями в Австралии. Однако некоторые эксперты предполагают, что WeChat уже работает по модели «одно приложение – две системы», причём одна политика действует в КНР, а другая – на международном уровне¹².

Сравнительный анализ новостей, представленных на WeChat и на австралийском мультикультурном телеканале SBS, вещающем на китайском языке для австралийских китайцев, показал разность подходов¹³. SBS уделял гораздо больше эфирного времени обзору новостей, касающихся китайской внутренней и внешней политики, нежели WeChat. Причём с течением времени различие двух главных информационных источников для австралийских китайцев только усиливалось.

Австралийские эксперты пришли к выводу о том, что контроль за содержанием австралийского сегмента WeChat особенно усилился

¹⁰ Births, Australia // Australian Bureau of Statistics. URL: <https://www.abs.gov.au/statistics/people/population/births-australia/latest-release> (дата обращения: 12.07.2021).

¹¹ Известное как Weixin (微信) в Китае.

¹² One App, Two Systems. How WeChat uses one censorship policy in China and another internationally // The Citizen Lab. 2016. November, 30. URL: <https://citizenlab.ca/2016/11/wechat-china-censorship-one-app-two-systems/> (дата обращения: 30.01.2021).

¹³ How China influences the diaspora through digital media // Asian Correspondent. 2018. November. URL: <https://asiancorrespondent.com/2018/11/how-china-influences-the-diaspora-in-australia-through-digital-media/> (дата обращения: 07.02.2021).

после 19-го съезда Коммунистической партии Китая, проходившего 18–24 октября 2017 г. Тогда китайское правительство ввело новые правила, которые предусматривают ответственность владельцев публичных аккаунтов и групповых чатов за информацию, размещаемую другими пользователями. В результате такого контроля австралийский сегмент WeChat прекратил освещать китайскую внутреннюю политику, а международные новости стали почти полностью совпадать с сообщениями официальных информационных агентств Китая.

В основном австралийский WeChat заполнен культурным и популярным китайским контентом (например, скандальными новостями о знаменитостях и т.д.), который создаёт завесу «развлечения и отвлечения» от острых внутренних политических тем. Эта практика характеризуется как одна из форм «проницаемой цензуры» (porous censorship). Китайские власти не могут ввести тотальную цензуру на весь новостной массив, но для того, чтобы найти правдивые сведения о КНР в других источниках, китайским пользователям в Австралии требуются время и усилия. Учитывая, что WeChat выступает основным источником информации для большинства австралийских китайцев, он используется Пекином для продвижения стратегических интересов КНР в Австралии¹⁴. В пользу этого аргумента свидетельствует доклад Австралийской службы безопасности и разведки (Australian Security Intelligence Organisation, ASIO)¹⁵, в котором спецслужба выразила обеспокоенность тем, что «иностранные державы тайно манипулируют австралийским общественным мнением для достижения собственных целей».

В целом китайские власти проявляют большой интерес к взаимодействию с постоянно увеличивающейся диаспорой в Австралии, который выражается в непрямом финансировании местных китаезычных СМИ и мониторинге социальных сетей китайских мигрантов.

Продвижение инициативы «Пояс и путь» через китайскую диаспору

Пекин уже давно рассматривает китайскую диаспору как важный источник капитала и технологий, который может внести свой вклад в развитие КНР. Однако в последние годы чиновники стали

¹⁴ One App, Two Systems. How WeChat uses one censorship policy in China and another internationally.

¹⁵ Australian Security Intelligence Organisation – часть разведывательного сообщества Австралии. ASIO выполняет функции агентства национальной безопасности страны.

расценивать её не только как один из ключевых каналов передачи высоких технологий через участие в возглавляемых Китаем инициативах в данной области, но и как способ реализации более масштабных геоэкономических амбиций. Например, китайские лидеры рассматривают диаспору как важнейший инструмент продвижения таких амбициозных проектов, как инициатива «Пояс и путь» (ИПП).

Эксперты КНР надеются, что успех ИПП в первую очередь будет зависеть от представителей китайских общин в государствах, выступающих в качестве «гидов, посредников и участников», поскольку они «имеют глубокое понимание местной ситуации и ведут бизнес в странах пребывания».

25 октября 2018 г. власти австралийского штата Виктория подписали с руководством КНР меморандум и два соглашения об осуществлении инвестиционных проектов в рамках китайской инфраструктурной стратегии. Это было сделано, несмотря на официальный отказ правительства Австралии Китаю в предоставлении поддержки инициативе «Пояс и путь» на территории своей страны. Решение Мельбурна (штат Виктория) вызвало жёсткую критику со стороны Канберры, которая сочла демарш местных властей неуместным шагом, идущим вразрез с внешнеполитическим курсом государства.

Во время подписания документа лейбористский премьер-министр штата Дэниел Эндрус заявил, что «сделка состоялась во многом благодаря деятельности австралийско-китайской группы по поддержке “Пояса и пути”» (Australia-China Belt and Road Initiative, ACBRI), которая была образована властями КНР в 2016 г. для лоббирования своей инициативы на уровне правительств австралийских штатов и территорий. В создании и продвижении ACBRI активно участвовали австралийские бизнесмены китайского происхождения. Эту организацию возглавляет Малькольм Брумхед. Он же является председателем правления компании Orica Group, имеющей тесные деловые контакты с конгломератом China Poly Group¹⁶.

В правление ACBRI входят чиновники и бизнесмены высокого ранга, в частности бывший министр торговли Эндрю Робб, который разрабатывал соглашение о свободной торговле между КНР и Австралией, и Джон Брамби, в 2007–2010 гг. бывший премьер-министром штата и в настоящее время входящий в совет директоров китайского телекоммуникационного гиганта Huawei.

¹⁶ *Hamilton C.* Andrews government fails to see strategic risks in Chinese investment // The Sydney Morning Herald. 2018. November, 7. URL: <https://www.smh.com.au/politics/victoria/andrews-government-fails-to-see-strategic-risks-in-chinese-investment-20181107-p50ehk.html> (дата обращения: 10.11.2020).

Работа Пекина с китайскими организациями в Австралии

Китайским общинам на территории Австралии разрешено создавать всевозможные ассоциации, различные СМИ на китайском языке и сохранять национальные культурные обычаи и традиции. При этом китайские власти контролируют некоторые организации гражданского общества в Австралии. К примеру, Австралийский совет по содействию мирному воссоединению Китая подчиняется Китайскому совету по содействию мирному национальному воссоединению в Пекине, который организационно входит в состав Единого фронта КПК¹⁷. Австралийская федерация китайских зарубежных ассоциаций поддерживается генеральным консульством КНР в Сиднее. В неё входит более 30 китайских ассоциаций по всей Австралии. Посольство Китая в Канберре финансирует Федерацию китайских учёных в Австралии и участвует в подготовке ежегодных научных симпозиумов начиная с 2008 г. Китайские власти также проводят регулярные учебные программы для активистов китайских общин в КНР для их ознакомления с работой Единого фронта¹⁸.

Китайское правительство создаёт организации китайских студентов в университетских городках австралийских учебных заведений. К этим структурам относятся Институт австралийско-китайских отношений при Технологическом университете (Сидней), Австралийско-китайский институт искусств и культуры Университета Западного Сиднея, а также 14 Институтов Конфуция во всех крупнейших вузах страны¹⁹. В начале 2021 г. в Австралии обучались около 160 тыс. студентов из Китая. Несмотря на то что их численность сократилась примерно на 37 % из-за ограничений, связанных с пандемией COVID-19, китайцы – самая многочисленная группа зарубежных учащихся австралийских университетов²⁰.

Учитывая, что большинство китайских мигрантов в Австралии полагаются на китайские СМИ в получении информации, доминирование

¹⁷ Патриотический единый фронт китайского народа (Единый фронт) – политическое объединение КНР, номинально являющееся народным фронтом и возглавляемое Коммунистической партией Китая.

¹⁸ *Pearson E.* China's efforts to curb Australia's academic freedom: what universities can do // *The Strategist / ASPI.* 2019. April, 4. URL: <https://www.aspistrategist.org.au/chinas-efforts-to-curb-australias-academic-freedom-what-universities-can-do/> (дата обращения: 10.11.2020).

¹⁹ *Donnelly K., Sung-young Kim.* How Much Influence Do Confucius Institutes Have in Australia? // *The News Lens.* 2019. December, 5. URL: <https://international.thenewslens.com/article/128381> (дата обращения: 24.05.2021).

²⁰ China pressure «undermining Australian universities», report says // *BBC News.* 2021. June, 30. URL: <https://www.bbc.com/news/world-australia-57647418> (дата обращения: 08.07.2021).

КПК в их нарративе в Австралии, по мнению местных аналитиков, может означать вероятный контроль над ними со стороны соответствующих органов КНР. Для реализации этой цели китайские власти предоставляют возможность (или лишают таковой) ведения бизнеса в Китае владельцам зарубежных китайских СМИ.

Власти КНР, продвигая идею «китайскости», предполагают однородную этническую принадлежность и общность культуры зарубежных китайцев вне зависимости от их политических взглядов и предпочтений. При этом некоторые австралийские китайцы могут быть даже настроены против КНР, но они также являются частью этнической китайской группы, которую Пекин включает в сферу своего влияния.

Социальные сети привели к распространению неофициальных пространств общения в интернете, что создало проблемы для китайского правительства в урегулировании содержания онлайн-коммуникаций. Внутри КНР сообщения социальных сетей дестабилизирующего характера обязательно подвергаются государственной цензуре, при этом поощряется самоцензура среди пользователей.

К примерам незаконного контента в китайских социальных сетях относятся такие фразы, как «Тяньаньмэнь 4 июня»²¹, «свободный Тибет»²² и др. Однако регулировать содержание постов и влиять на интернет-контент, публикуемый за пределами страны, для китайских властей затруднительно. Тем не менее и при этих условиях Пекин стремится сохранить рычаги влияния на китайскую диаспору в Австралии.

Аналитики из австралийских научных институтов предполагают, что негласная работа с китайскими студентами в Австралии осуществляется под эгидой Единого фронта ЦК КПК. По их мнению, он не только «идеологически направляет» этнических китайцев через WeChat, но и проводит более глубокие «операции влияния» в интересах китайского правительства²³. В связи с этим в 2018 г. Министерство обороны Австралии, обеспокоенное возможностью включения китайской цензуры и слежки через WeChat, запретило своим сотрудникам иметь указанное приложение в телефонах.

Австралийское руководство уделяет повышенное внимание деятельности китайского Единого фронта в своей стране. Оно обвиняет Рабочий отдел Единого фронта в проведении «операций влияния»,

²¹ События на площади Тяньаньмэнь 4 июня 1989 г. – серия акций протеста в Пекине с 15 апреля по 4 июня указанного года.

²² Движение за независимость Тибета.

²³ How China influences the diaspora through digital media.

которые, исходя из партийной концепции «внешней пропаганды», направлены на «культивирование народной поддержки и ослабление политических противников» в среде этнических китайцев. Экспертные круги Австралии также отмечают в качестве «нового направления» работы Отдела Единого фронта усилия, сосредоточенные на укреплении статуса КНР в среде китайских мигрантов как богатой и могущественной страны под управлением КПК. Так, Отдел Единого фронта в 2017 г. разъяснил, что «новое направление» состоит из четырёх задач: «служения великому возрождению китайской нации, защиты основных интересов китайского государства, поддержания долгосрочной стабильности Гонконга и Макао и завершения объединения родины»²⁴.

Однако эта ориентация на обновление образа Китая, по мнению австралийцев, может включать в себя некоторые меры, которые противоречат интересам Австралии. Усилия Пекина по развитию поддержки в диаспорах и контролю над ними, в частности, «угрожают обострением межэтнической напряжённости, усугублением проблем политической и социальной поляризации, ущемлением гражданских прав и свобод в других странах»²⁵.

Пекин рассматривает возросшее международное влияние и привлекательность Китая и его культуры как важный элемент активизации своей зарубежной политики. Так, австралийские средства массовой информации обращают внимание на усилия китайцев по продвижению традиционной культуры и «доброжелательного взгляда» на Китай через кино, рекламу, выставки и деятельность, связанную с Институтами Конфуция в стране.

Австралийские эксперты отмечают, что работа Единого фронта, направленная главным образом на китайскую диаспору, обычно привлекает меньше внимания, но в итоге может представлять большую угрозу для национальной безопасности. В сфере проведения политики в «новую эпоху» китайские власти отдают приоритет своим гражданам, которые учатся и живут за рубежом, а также стремятся сохранить тесные связи с материковым Китаем. Член Госсовета КНР Ян Цзечи²⁶ объяснил в своей статье о зарубежных китайцах, что укрепление связи Единого фронта с этой группой стало «насуточной

²⁴ One App, Two Systems. How WeChat uses one censorship policy in China and another internationally.

²⁵ Ibid.

²⁶ Ян Цзечи родился 1 мая 1950 г. в Шанхае. В 1973–1975 гг. учился в Лондонской школе экономики и политических наук. С 2007 по 2013 г. был министром иностранных дел КНР.

необходимостью». В дополнение к работе Единого фронта китайское правительство создало Управление по делам Китая за рубежом. В сегодняшней КНР уделяется большое внимание координации деятельности различных министерств по привлечению иностранных китайских специалистов к работе на родине. В качестве стимулов используют финансовую поддержку, преференциальный доступ к желаемым школам, защиту интеллектуальной собственности и поддержку бизнеса.

Эти усилия, похоже, окупаются. В 2017 г. уже 80 % студентов, уехавших учиться в Австралию, вернулись на родину, что является переломом неблагоприятной для Китая тенденции, когда большинство студентов, покинувших КНР, предпочитали оставаться за рубежом. Китайские чиновники надеются, что студенты будут сотрудничать, чтобы противостоять политическим врагам КПК и продвигать политическую повестку дня партии в среде хуацяо (зарубежных китайцев). В своей статье Ян Цзечи подчеркнул важность работы с ними для «противодействия сепаратистским силам и осуществления поддержки воссоединения страны».

Тем не менее австралийское руководство отмечает, что в последнее время участились попытки китайского правительства влиять на внутреннюю политику Австралии. Её службы безопасности сообщают о деятельности китайских агентов, нацеленной на проникновение в политические круги и укрепление влияния Пекина на китайскую диаспору Австралии.

Действительно, в целях завоевания лояльности и доброжелательности китайской диаспоры Пекин приложил определённые усилия для изучения отношения к китайцам со стороны зарубежных правительств. В частности, Ян Цзечи в своей статье заявил о том, что пришло время «активно подталкивать правительства стран их проживания к созданию благоприятных условий для китайских соотечественников».

В ноябре 2019 г. в Австралии разразился новый шпионский скандал, который возродил страхи местного населения по поводу возможного вмешательства КНР во внутреннюю политику государства. Так, в австралийских СМИ²⁷ прозвучали обвинения в адрес Пекина в том, что он пытался провести своего кандидата (и даже «шпиона») в федеральный парламент. В публикации содержалась информация,

²⁷ McKenzie N., Sakkal P., Tobin C. China tried to plant its candidate in Federal Parliament, authorities believe // The Sydney Morning Herald. 2019. November, 24. URL: <https://www.smh.com.au/national/china-tried-to-plant-its-candidate-in-federal-parliament-authorities-believe-20191122-p53d9x.html> (дата обращения: 18.01.2021).

что некая «китайская разведывательная группа» собиралась инвестировать 1 млн долл. в качестве оплаты политической кампании члена Либеральной партии и автодилера престижных машин в Мельбурне Бо «Ника» Чжао по выборам в федеральный парламент в Канберре. В ответ на публикацию в прессе генеральный директор австралийской разведки (ASIO) Майкл Берджесс выступил с заявлением, озаглавленным «Иностранное вмешательство»²⁸.

По информации австралийских СМИ, г-н Чжао находился в разработке ASIO около года. В частности, он раскрыл детали сотрудничества с другим мельбурнским бизнесменом китайского происхождения – Брайаном Ченом (китайское имя Чен Цуньшэн). В свою очередь, г-н Чен отрицал, что был вовлечён в китайскую разведывательную деятельность, а также то, что знаком с Чжао. Однако в прессе есть сведения, согласно которым австралийские власти располагают фактами финансирования Ченом предвыборной кампании Чжао. Заявления Чжао послужили поводом для расследования предполагаемых действий китайской военной разведки в Канберре. Разбирательство получило дополнительный импульс после «неожиданной и необъяснимой» смерти г-на Чжао в марте 2019 г.

Обозреватели отмечают, что г-н Чен является спонсором избирательных кампаний обеих политических партий Австралии (Либеральной и Лейбористской партий), а также сохранил бизнес-контакты с действующими и бывшими высокопоставленными политическими деятелями в Азии и Европе²⁹. Его компания (Prospect Time) продвигает китайскую инфраструктурную инициативу «Пояс и путь».

Депутат и председатель Объединённого парламентского комитета по разведке и безопасности Эндрю Хасты заявил, что инцидент с Бо «Ником» Чжао «является спонсируемой иностранным государством попыткой проникнуть в австралийский парламент с использованием гражданина Австралии, который мог быть управляемым КНР агентом влияния»³⁰.

Сообщения о разоблачениях действий китайской разведки появились на фоне бегства в Австралию некоего Ван Лицяна, утверждавшего,

²⁸ *Hutchens C.* Sweeping foreign interference and spying laws pass Senate // The Guardian. 2018. June, 28. URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2018/jun/29/sweeping-foreign-interference-and-spying-laws-pass-senate> (дата обращения: 12.04.2021).

²⁹ *Mcdonald J.* Chinese Spy Defects to Australia Offering a Trove of Security and Intelligence Information // The Diplomat. 2019. November, 27. URL: <https://thediplomat.com/2019/11/chinese-spy-defects-to-australia-offering-a-trove-of-security-and-intelligence-information/> (дата обращения: 12.04.2021).

³⁰ *McKenzie N., Sakkal P., Tobin C.* Op. cit.

что он якобы китайский шпион. Ван Лицян, в частности, заявлял, что «китайское правительство использовало подставные компании, чтобы проникнуть в движение за независимость Гонконга, организуя похищения и нападения на демократических активистов и вмешиваясь в президентские выборы на Тайване в январе 2020 г.»³¹. Китайские власти официально опровергли данную информацию, указав, что Ван Лицян был признан виновным в мошенничестве ещё в 2016 г. и его деятельность является предметом ряда других имущественных и кредитных споров³².

Антикитайские настроения, которые в последнее время овладели австралийскими политиками и негативно отразились на представителях китайской диаспоры, во многом могут быть объяснены тесными связями Австралии с Соединёнными Штатами. Эти две англоязычные страны имеют союзнические отношения на протяжении всего XX в. С 1985 г. между ними проводятся регулярные встречи министров иностранных дел и глав оборонных ведомств (в формате Australia – United States Ministerial Consultation, AUSMIN). Так, несмотря на продолжающуюся пандемию, в июле 2020 г. в Вашингтоне произошла очередная встреча AUSMIN в составе австралийских министра иностранных дел Марис Пейн и министра обороны Линды Рейнолдс и их американских коллег – Майка Помпео и Марка Эспера соответственно. По итогам переговоров стороны выразили «глубокую озабоченность» по таким вопросам, как нарушение прав человека в Гонконге, политика Пекина по отношению к о. Тайвань, сохранение свободы судоходства в Южно-Китайском море и т.д. Очередной виток антикитайской кампании совпал с возвращением австралийских министров в Канберру из Вашингтона.

Формирование китайской диаспоры в Новой Зеландии

Аппо Хоктон (Appo Hoston, 1823–1920) был первым китайцем, легально прибывшим в качестве слуги из Макао в Новую Зеландию в 1842 г. Затем он стал землевладельцем и фермером. Позже, во времена золотой лихорадки в середине 1860-х гг., этнические китайцы приезжали в Новую Зеландию из китайской провинции Гуандун.

³¹ *Cave D., Tarabay J.* Suddenly, the Chinese Threat to Australia Seems Very Real // The New York Times. 2019. November, 28. URL: <https://www.nytimes.com/2019/11/28/world/australia/china-spying-wang-liqiang-nick-zhao.html?searchResultPosition=8> (дата обращения: 06.05.2021).

³² *China suspends human rights programme with Australia* // Financial Times. 2019. November, 28. URL: <https://www.ft.com/content/8afb90e4-09c3-11ea-bb52-34c8d9dc6d84> (дата обращения: 09.05.2021).

Благодаря этому обстоятельству в г. Данидин на Южном острове до сих пор существует обособленная китайская община потомков иммигрантов из этой провинции³³.

Новозеландцы китайского происхождения активно участвовали в боевых действиях за Новую Зеландию в Первую и Вторую мировые войны. Так, в 1918 г. Сесил Аллоо (Cecil Alloo, 1895–1989) стал первым офицером китайского происхождения в Вооружённых силах Новой Зеландии³⁴.

В 1987–1996 гг. фундаментальные изменения в иммиграционной политике Новой Зеландии привели к значительному притоку этнических китайских бизнесменов, инвесторов и высококвалифицированных специалистов (professional migration), особенно из Гонконга и с Тайваня. В этот период наблюдался всплеск общей миграции из Азии, включая китайцев из Юго-Восточной Азии. Иммиграционная система Новой Зеландии всё больше испытывала на себе влияние таких событий, как протесты на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. и беспорядки в Индонезии в мае 1998 г., в результате которых многие китайцы мигрировали в Новую Зеландию.

Начиная с 2000-х гг. в иммиграционное законодательство Новой Зеландии были внесены изменения, направленные на привлечение квалифицированных иммигрантов из материкового Китая тех специальностей, которые были в дефиците внутри страны. В 2010 г. материковый Китай впервые стал главным источником иммигрантов в Новую Зеландию благодаря программе семейного спонсорства и партнёрства. Всё большее число граждан КНР предпочитает студенческие визы, с тем чтобы после получения диплома остаться на квалифицированной работе в Новой Зеландии. В начале 2021 г. в стране обучались 11,3 тыс. китайских студентов. Несмотря на ограничения в связи с пандемией, которые привели к сокращению численности китайцев, получающих образование в новозеландских университетах, на 68,6 %, сообщество китайских студентов остаётся наиболее обширным среди всех зарубежных студентов³⁵.

³³ *Peters E.* From Canada to Peru, how the Chinese diaspora has made its mark on more remote corners of the globe // South China Morning Post. 2021. February, 12. URL: <https://www.scmp.com/magazines/post-magazine/travel/article/3121087/canada-peru-how-chinese-diaspora-has-made-its-mark> (дата обращения: 12.04.2021).

³⁴ The story of a unique WW1 soldier // Otago Daily Times. 2018. April, 27. URL: <https://www.odt.co.nz/news/dunedin/story-unique-ww1-soldier> (дата обращения: 04.03.2021).

³⁵ *Gerritsen J.* Foreign students in country fewer than half normal number // Radio New Zealand. 2021. January, 25. URL: <https://www.rnz.co.nz/news/national/435102/foreign-students-in-country-fewer-than-half-normal-number> (дата обращения: 12.04.2021).

Новозеландские семьи китайского происхождения придают большое значение получению высшего образования молодыми людьми. Так, 23 % новозеландских китайцев получили степень бакалавра или магистра, что почти вдвое превышает средний по стране показатель, равный 12 %³⁶.

Новозеландские китайцы – крупнейшая азиатская этническая группа в стране. На их долю приходится 36,3 % иммигрантов из Азии, они представляют вторую по величине китайскую общину в Океании после китайской общины в Австралии. По данным переписи населения 2018 г., китайские новозеландцы составили 5,3 % населения Новой Зеландии, или 243 770 чел., что на 44,5 % больше, чем по переписи 2013 г., и на 67,9 % больше, чем по переписи 2006 г. Увеличение численности китайцев в 2013–2018 гг. связано не только с возросшей иммиграцией, но и с тем, что Статистическое управление Новой Зеландии добавило сведения об этнической принадлежности из других источников (предыдущие переписи, регистрационные данные населения и т.д.) к результатам последней переписи 2018 г. По информации 2018 г., 73,3 % новозеландских китайцев родились за границей (в среднем для всех новозеландцев этот показатель составляет 27,1 %). Кроме того, в соответствии с последней переписью, большая часть китайских иммигрантов моложе 25 лет, а 12 % китайцев проживают в Новой Зеландии менее года. Обращает на себя внимание, что 63 % новозеландских китайцев нерелигиозны или являются атеистами³⁷.

В настоящее время большинство новозеландских китайцев предпочитают селиться на климатически более тёплом Северном острове. Эти тенденции подтверждает перепись 2018 г.: 69,1 % из них проживали в регионе Окленд (Северный остров), 18,9 – на оставшейся территории Северного острова и лишь 11,9 % – на Южном острове³⁸.

В Новой Зеландии самым распространённым после английского является китайский язык (кантонский и мандаринский диалекты). При этом некоторые новозеландские китайцы говорят на малайском и индонезийском языках, что обусловлено небольшим иммиграционным притоком китайцев из Юго-Восточной Азии.

Новая Зеландия официально никогда не осуществляла политику «Белой Новой Зеландии», наподобие той, которая проводилась

³⁶ Peters T. Thousands of students affected by New Zealand's anti-Chinese travel ban // World Socialist Web Site. 2020. February, 11. URL: <https://www.wsws.org/en/articles/2020/02/11/crnv-f11.html> (дата обращения: 16.04.2021).

³⁷ 2018 Census // Stats NZ Tauranga Aotearoa. URL: <https://www.stats.govt.nz/2018-census/> (дата обращения: 10.07.2021).

³⁸ Ibid.

в Австралии. Островное государство было открыто для иммиграции из стран Азии с самого начала своей истории. Однако в 1880-х гг. откровенно синофобская идеология правящих кругов в Веллингтоне привела к введению в Новой Зеландии подушного налога, который взимался исключительно с китайских мигрантов. Так, в 1881 г. он составил 10 ф. ст.³⁹ с каждого китайца, въезжавшего в Новую Зеландию. Кроме того, было разрешено ввозить только 10 т груза. В 1896 г. новозеландское правительство увеличило налог до 100 ф. ст. и наложило дополнительные ограничения на ввоз грузов китайцами. Несмотря на подобные препятствия, численность китайских общин продолжала расти и в этот период. В 2002 г. правительство Новой Зеландии извинилось за дискриминационную политику властей XIX – начала XX в.

В соответствии с данными, полученными в результате последней переписи населения (2018 г.), 47 % новозеландских китайцев работали в офисах или занимали управляющие должности в бизнесе (белые воротнички), что выше среднего по стране уровня (40 %). Показатель безработицы среди них также ниже среднего значения⁴⁰.

Крупнейшими отраслями занятости новозеландских китайцев были пищевая промышленность и рестораны (16 %), розничная торговля (13,5), профессиональные, научные и технические услуги (11), обрабатывающая промышленность (8,8), а также здравоохранение и социальная помощь (7,4 %). По данным 2018 г., 35 % китайцев, помимо заработной платы, получали инвестиционный доход от накопительной части пенсий, акций, облигаций и т.п. При этом средний показатель равен 25 %⁴¹.

Среди англосаксонских государств Новая Зеландия наиболее тесно связана культурными⁴² и экономическими узами с Китаем. Так, она стала первой развитой страной, подписавшей соглашение о свободной торговле (ССТ) с КНР в 2008 г., что привело к буму экспорта новозеландского сухого молока и других продуктов в Поднебесную.

Влияние КНР на китайцев Новой Зеландии

В мае 2019 г. западные аналитики в опубликованном докладе «Китай и эпоха стратегического соперничества»⁴³ утверждали, что Новая

³⁹ Эквивалентно 1247 ф. ст. в ценах 2021 г.

⁴⁰ 2018 Census.

⁴¹ Ibid.

⁴² Полинезийцы, к которым относятся маори, считают, что их прародиной является о. Тайвань.

⁴³ Chase S., Fife R. CSIS report warns of Chinese interference in New Zealand // The Globe and Mail. 2018. May, 30. URL: <https://www.theglobeandmail.com/politics/article-csis->

Зеландия «серьёзно пострадала от вмешательства китайского правительства во внутренние дела страны». Данный документ примечателен тем, что в нём фактически обозначено предупреждение Веллингтону о «негативной» роли Пекина в «ограничении свободы слова, религии и ассоциаций для этнической китайской общины» и о «коррумпирующем влиянии на политическую систему через размывание личных, политических и экономических интересов»⁴⁴.

В докладе говорится о том, что «политическое влияние КНР в Новой Зеландии достигло критического уровня». Китай якобы «кооптировал новозеландскую деловую, политическую и интеллектуальную элиту через целевое финансирование, осуществляемое бизнесменами, связанными с КПК». В настоящее время Пекин поставил под свой контроль китаеязычные СМИ, китайскую общину и этнических китайских политиков в Новой Зеландии. Более того, авторы документа утверждают, что КНР путём слияний и поглощений различных компаний и налаживания партнёрских связей между китайскими и новозеландскими организациями получила доступ к военным технологиям, коммерческим секретам и другой стратегической информации.

Как полагают западные аналитики, Новая Зеландия представляет ценность для Китая не только как «слабое звено, через которое можно получить доступ к разведанным “Пяти глаз”⁴⁵», но и потому, что эта страна «отвечает за вопросы обороны и иностранные дела трёх южнотихоокеанских территорий»⁴⁶, а также благодаря её роли в Антарктиде, относительно недорогим сельскохозяйственным угодьям и, возможно, большим запасам нефти». При этом конечная цель «агрессивной стратегии КНР заключается в принятии выгодных политических решений и торговых преференций и в обеспечении возможности беспрепятственного коммерческого и технического шпионажа».

---

report-warns-of-chinese-interference-in-new-zealand/ (дата обращения: 30.01.2021). См. доклад: Rethinking Security: China and the Age of Strategic Rivalry // Government of Canada. 2018. May. URL: <https://www.canada.ca/en/security-intelligence-service/corporate/publications/china-and-the-age-of-strategic-rivalry.html> (дата обращения: 30.01.2021).

⁴⁴ Rethinking Security: China and the Age of Strategic Rivalry.

⁴⁵ AUSCANNZUKUS (Five Eyes) – организация, созданная для взаимодействия в сфере обеспечения технической интероперабельности военно-морских сил пяти англоязычных стран (Австралии, Канады, Новой Зеландии, Великобритании и США).

⁴⁶ Правительство Новой Зеландии отвечает за оборону и в международных институтах представляет внешнеполитические интересы трёх государств, находящихся в южной части Тихого океана, – Островов Кука, Ниуэ и Токелау.

Обращает на себя внимание то, что как действующие, так и бывшие политики и чиновники Новой Зеландии не придали особого значения канадскому докладу. В частности, руководитель Резервного банка Новой Зеландии⁴⁷ в 1988–2002 гг. и лидер Национальной партии в 2003–2006 гг. Дон Браш, который с 2017 г. возглавляет новозеландский филиал крупнейшего в Китае банка ICBC⁴⁸, не выразил особой тревоги по поводу китайского фактора. Он лишь сказал, что КНР «хочет расширить своё влияние в Новой Зеландии и взрастить прокитайски настроенных людей, которые помогут ей в этом»⁴⁹.

Премьер-министр Новой Зеландии в 2016–2017 гг. Билл Инглиш и лидер лейбористов и нынешний глава правительства страны Дж. Ардерн также занизили значение доклада. Так, Дж. Ардерн заявила, что она «не видит явных причин начинать серьёзное расследование по поводу иностранного вмешательства», добавив, что «необходимо изучать этот вопрос дальше». При этом она посчитала нужным проанализировать опыт своего «ближайшего союзника» Австралии, которая приняла соответствующее законодательство по ограничению иностранного влияния.

Лишь после проведённой в 2019 г. английскими властями кампании, во время которой Лондон назвал Веллингтон «мягким подбрюшьем» в рамках организации «Пять глаз», новозеландский истеблишмент изменил свою лояльную позицию к Китаю.

В декабре 2019 г. парламент страны принял закон, запрещающий иностранное вмешательство во внутренние дела Новой Зеландии. В соответствии с принятым законом иностранная спонсорская помощь политическим партиям и кандидатам на выборные должности ограничена 50 новозеландскими долл. (около 32 долл. США). В своём заявлении министр юстиции Эндрю Литтл отметил, что «риск иностранного вмешательства в выборы – растущее явление, которое может принимать разные формы. Новая Зеландия не застрахована от такого риска»⁵⁰.

⁴⁷ Резервный банк Новой Зеландии выполняет функции центрального банка и главного финансового регулятора в стране.

⁴⁸ Industrial and Commercial Bank of China (Промышленный и коммерческий банк Китая) основан в 1984 г. В 2018 г. его активы составили 4 трлн долл., а капитал – 340 млрд долл. ICBC на 70 % принадлежит правительству КНР.

⁴⁹ Brian Gaynor: China's banks building their NZ presence // NZ Herald. 2018. February, 9. URL: <https://www.nzherald.co.nz/business/brian-gaynor-chinas-banks-building-their-nz-presence/BIHLDW7CASJOHN4AQHT7E76NEE/> (дата обращения: 12.02.2021).

⁵⁰ New Zealand: Restrictions on Foreign Donations Passed Under Urgency // Library of Congress. 2019. December, 11. URL: <https://www.loc.gov/item/global-legal-monitor/2019-12-11/new-zealand-restrictions-on-foreign-donations-passed-under-urgency> (дата обращения: 12.04.2021).

В перечень требований нового закона входит опубликование фамилий и адресов тех, кто финансирует предвыборную рекламу, во всех СМИ и социальных сетях. Закон коснётся всех кандидатов на всеобщих выборах в парламент страны.

Вместе с тем эксперты в области права выразили обеспокоенность недостаточной чёткостью формулировок нового закона, в отличие от аналогичного акта, принятого австралийским парламентом в 2018 г. В частности, специалист по публичному праву Грэм Эджер заявил, что «в новозеландском законе есть много лазеек. Например, пожертвования от компании, зарегистрированной по внутреннему законодательству, но фактически являющейся зарубежной, не признаются иностранными».

Доктор юриспруденции Саймон Чаплл из Школы госуправления Университета Виктории сделал вывод о том, что принятый закон «не остановит влияния КПК на политику Новой Зеландии». Он утверждает, что «многие политические пожертвования осуществляются через граждан Новой Зеландии, которые по факту являются агентами влияния Китая, и на них указанный закон не распространяется»⁵¹. В стране обвинения в принятии китайской финансовой помощи в адрес ведущих политиков звучат достаточно регулярно, начиная с предвыборной кампании 2018 г., когда в получении «скрытого пожертвования» в размере 64 тыс. долл. от китайского бизнесмена был обвинён лидер оппозиционной Национальной партии Саймон Бриджес. Национальная партия не только отвергла все обвинения со стороны власти, но и в ответ упрекнула правящую коалицию в прямой заинтересованности в продвижении «противоречивого предвыборного закона для отвлечения электората от невыполненных предвыборных обещаний».

Несмотря на принятые меры, нацеленные на ограничение иностранного вмешательства в свои внутренние дела, Новая Зеландия продолжает рассматриваться английскими СМИ как страна, находящаяся «на грани выхода из числа союзников Великобритании» из-за её «инертной позиции» по отношению к КНР и «дискредитированной политической системы»⁵². В качестве примера китайского влияния приводится случай с депутатом новозеландского парламента

⁵¹ *Peters T.* What is behind the crisis in New Zealand's National Party? // World Socialist Web Site. 2020. October, 29. URL: <https://www.wsws.org/en/articles/2020/10/30/nzel-o30.html> (дата обращения: 12.05.2021).

⁵² *Anderlini J.* China is taking its ideological fight abroad // Financial Times. 2020. January, 9. URL: <https://www.ft.com/content/8e839064-317c-11ea-9703-eea0cae3f0de> (дата обращения: 26.01.2021).

Тоддом Макклеем, который открыто поддержал официальную позицию Пекина по уйгурскому вопросу, заявив, что «центры профессиональной подготовки уйгуров являются внутренним делом китайского правительства». Кроме того, Т. Макклея обвинили в получении 100 тыс. долл. от китайского бизнесмена Лан Линя через зарегистрированную в Новой Зеландии иностранную компанию. Формально новозеландский депутат не нарушил действующее законодательство, но премьер-министр Дж. Ардерн подвергла критике его поступок, так как он «нарушил не букву, но дух принятого закона»⁵³.

Власти Новой Зеландии обоснованно гордятся тем, что страна занимает одно из первых мест по лёгкости открытия и доступности ведения бизнеса. Вместе с тем после публикации «Панамского досье»⁵⁴ в 2016 г. Новая Зеландия оказалась в центре международного скандала, связанного с отмыванием денег и уклонением от уплаты налогов (через контролируемый ею офшор на Островах Кука, которым активно пользовались китайские компании). В результате пострадала политическая и деловая репутация Веллингтона. Эта ситуация сохраняется во многом до сих пор, так как ни коалиционное правительство Дж. Ардерн, ни оппозиционная Национальная партия не дают чёткого сигнала о том, что собираются принимать серьёзные меры, ограничивающие политическую деятельность Китая на территории Новой Зеландии.

Впрочем, чаще всего обвинения со стороны Великобритании звучат в адрес Национальной партии Новой Зеландии, нежели в адрес коалиции. В частности, в 2019 г. руководителя партии С. Бриджеса обвинили в том, что он скрытно встречался с главой китайской разведки во время визита в Пекин, а затем дал «прокитайское» интервью телекомпании CGTN. Затем в том же году местные СМИ выяснили, что депутат парламента страны от Национальной партии Ян Цзянь (Jian Yang) скрывал то, что в течение 15 лет он являлся сотрудником китайской военной разведки. При этом с помощью Яна Цзяня его партия получила более 855 тыс. долл. финансовой помощи от Единого фронта в 2008–2017 гг.

Часть обвинений в новозеландской прессе касалась и представителей правящей Лейбористской партии. Морган Сяо, связанный

⁵³ Brady A.-M. New Zealand needs to show it's serious about addressing Chinese interference // The Guardian. 2020. January, 23. URL: <https://www.theguardian.com/world/commentisfree/2020/jan/24/new-zealand-needs-to-show-its-serious-about-addressing-chinese-interference> (дата обращения: 26.01.2021).

⁵⁴ «Панамское досье» – неформальное название утечки конфиденциальных документов панамской юридической компании Mossack Fonseca в 2016 г.

якобы до сих пор с КПК, в 2017 г. избирался в муниципальный совет Окленда от правящей Лейбористской партии. Наблюдатели отмечали, что он неоднократно выступал с прокитайских позиций. Вскрылись также попытки подкупа Пекином двух других депутатов китайского происхождения от той же партии.

При этом, несмотря на прозвучавшие обвинения, в политическом истеблишменте не произошло никаких заметных встрясок и внутрипартийных разборок. Даже во время дебатов в парламенте по принятию закона об ограничении иностранного вмешательства ни Дж. Ардерн, ни тем более С. Бриджес не поднимали при обсуждении китайскую тему.

* *
*

Пекин использует многочисленную китайскую диаспору, а также экономическую и инвестиционную зависимость Австралии и Новой Зеландии для реализации своих геостратегических интересов. Проживающие в указанных странах китайцы постепенно расширяют свою численность и влияние. Рост китайской общины на фоне кризиса мировой экономики способствует активизации различных националистических сил и возрождению антииммигрантского популизма.

Существенное влияние на китайско-австралийские отношения оказывают США. С продвижением американской идеи «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» нынешнее правоконсервативное коалиционное правительство С. Моррисона в Австралии будет действовать в фарватере Вашингтона, принимая всё больше ограничительных мер по отношению к Пекину внутри страны, что может отрицательно сказаться на сотрудничестве зарубежных китайцев с Единым фронтом.

Лейбористское правительство Дж. Ардерн в Новой Зеландии, понимая важность своего членства в западном альянсе и стремясь сохранить партнёрские отношения с КНР, скорее всего, будет действовать двояко: с одной стороны, принимая аналогичные австралийским законы о сдерживании китайского влияния, с другой – фактически закрывая глаза на тесное взаимодействие политического истеблишмента страны с Пекином и китайской диаспорой. Тем самым политическая двойственность Веллингтона оправдывает то, почему в ряде англосаксонских стран Новую Зеландию окрестили «слабым звеном».

Всё возрастающая численность, хозяйственная и деловая активность китайской диаспоры, вероятно, не позволят национальным правительствам Австралии и Новой Зеландии эффективно задействовать «антикитайское» законодательство без нанесения ущерба местной экономике.

Список литературы

1. *Anderlini J.* China is taking its ideological fight abroad // *Financial Times*. 2020. January, 9. URL: <https://www.ft.com/content/8e839064-317c-11ea-9703-eea0cae3f0de> (дата обращения: 26.01.2021).
2. Belt and Road Initiative warmly welcomed in Australia's Northern Territory // *Ecnscn*. 2018. July, 16. URL: www.ecns.cn/news/economy/2018-07-16/detail-ifyvzyvz7264419.shtml (дата обращения: 21.11.2020).
3. Brian Gaynor: China's banks building their NZ presence // *NZ Herald*. 2018. February, 9. URL: <https://www.nzherald.co.nz/business/brian-gaynor-chinas-banks-building-their-nz-presence/BIHLDW7CASJOHN4AQHT7E76NEE/> (дата обращения: 12.02.2021).
4. *Chase S., Fife R.* CSIS report warns of Chinese interference in New Zealand // *The Globe and Mail*. 2018. May, 30. URL: <https://www.theglobeandmail.com/politics/article-csis-report-warns-of-chinese-interference-in-new-zealand/> (дата обращения: 30.01.2021).
5. *Dziedzic S.* Why Australia wants to build its own «Belt and Road» scheme with Japan and the US to rival China's investment // *ABC*. 2018. July, 31. URL: <https://www.abc.net.au/news/2018-07-31/australia-japan-us-alternative-to-china-belt-and-road-initiative/10055060> (дата обращения: 22.11.2019).
6. *Gray J.* China's NZ investment a distant second to Aussie – report // *NZ Herald*. 2019. August, 14. URL: <https://www.abc.net.au/news/2018-07-31/australia-japan-us-alternative-to-china-belt-and-road-initiative/10055060> (дата обращения: 18.02.2021).
7. *Hamilton C.* Andrews government fails to see strategic risks in Chinese investment // *The Sydney Morning Herald*. 2018. November, 7. URL: <https://www.smh.com.au/politics/victoria/andrews-government-fails-to-see-strategic-risks-in-chinese-investment-20181107-p50ehk.html> (дата обращения: 10.11.2020).
8. How China influences the diaspora through digital media // *Asian Correspondent*. 2018. November. URL: <https://asiancorrespondent.com/2018/11/how-china-influences-the-diaspora-in-australia-through-digital-media/> (дата обращения: 07.02.2021).
9. *Hutchens G.* Sweeping foreign interference and spying laws pass Senate // *The Guardian*. 2018. June, 28. URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2018/jun/29/sweeping-foreign-interference-and-spying-laws-pass-senate> (дата обращения: 12.04.2021).

10. *Keast J.* The Belt and Road in Victoria: No Big Deal // *The Diplomat*. 2018. November, 10. URL: <https://thediplomat.com/2018/11/the-belt-and-road-in-victoria-no-big-deal/> (дата обращения: 20.11.2020).
11. *McKenzie N., Sakkal P., Tobin G.* China tried to plant its candidate in Federal Parliament, authorities believe // *The Sydney Morning Herald*. 2019. November, 24. URL: <https://www.smh.com.au/national/china-tried-to-plant-its-candidate-in-federal-parliament-authorities-believe-20191122-p53d9x.html> (дата обращения: 18.01.2021).
12. *One App, Two Systems.* How WeChat uses one censorship policy in China and another internationally // *The Citizen Lab*. 2016. November, 30. URL: <https://citizenlab.ca/2016/11/wechat-china-censorship-one-app-two-systems/> (дата обращения: 30.01.2021).
13. *Peters T.* What is behind the crisis in New Zealand's National Party? // *World Socialist Web Site*. 2020. October, 29. URL: <https://www.wsws.org/en/articles/2020/10/30/nzel-o30.html> (дата обращения: 12.05.2021).
14. *Preiss B., Needham K.* Andrews, Morrison at odds over Victoria's secret Chinese trade deal // *Sydney Morning Herald*. 2018. November, 6. URL: <https://www.smh.com.au/politics/victoria/andrews-morrison-at-odds-over-victoria-s-secret-chinese-trade-deal-20181106-p50eaf.html> (дата обращения: 14.11.2020).
15. *Rethinking Security: China and the Age of Strategic Rivalry* // *Government of Canada*. 2018. May. URL: <https://www.canada.ca/en/security-intelligence-service/corporate/publications/china-and-the-age-of-strategic-rivalry.html> (дата обращения: 30.01.2021).
16. *Statistics on who invests in Australia* // *Australian Government*. 2019. May. URL: <https://dfat.gov.au/trade/resources/investment-statistics/Pages/statistics-on-who-invests-in-australia.aspx> (дата обращения: 14.02.2021).
17. *The Australian People: An Encyclopedia of the Nation, its People and their Origins* / Ed. by J. Jupp. Cambridge; N.Y., Oakleigh: Cambridge University Press, 2001.
18. *2016 Census QuickStats* // *Australian Bureau of Statistics*. URL: https://quickstats.censusdata.abs.gov.au/census_services/getproduct/census/2016/quickstat/036?open=document (дата обращения: 10.07.2021).
19. *2018 Census* // *Stats NZ Tātauranga Aotearoa*. URL: <https://www.stats.govt.nz/2018-census/> (дата обращения: 10.07.2021).
20. *Workman D.* Australia's Top Trading Partners // *World's Top Exports*. 2020. February, 11. URL: <https://www.worldstopexports.com/australias-top-import-partners/> (дата обращения: 16.02.2021).